
II. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СЕДЬМОГО ОЧЕРКА «ЖИВОЙ МЕТАФОРЫ» ПОЛЯ РИКЁРА

ФЁДОР СТАНЖЕВСКИЙ

Преподаватель кафедры философии, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технологический университет), 198262 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: stanzh@mail.ru

В седьмом очерке «Живой метафоры» Поль Рикёр сосредотачивается на проблематике референции метафорического высказывания. Поэтическое высказывание, основанное на метафоре, не есть подчеркивание сообщения ради него самого. Поэзия, равно как и метафора, имеет эвристическую, а не чисто эмотивную функцию, снимающую оппозицию между внешним и внутренним, объективным и субъективным. Метафора является переописанием действительности, она дает возможность увидеть ее по-новому. Природа метафоры — напряжение между двумя полюсами: «есть» и «не есть». Работа Рикёра прикасается к природе нашего феноменологического проживания мира в языке, поскольку дает увидеть как рождается смысл из непосредственного нахождения в реальности. Взаимоотношения между смыслом, реальностью и языком — поле работы метафоры, в котором мы обретаем себя первичным образом. В данном очерке Рикёр рассматривает вопрос о референции на двух уровнях: семантическом и герменевтическом. Если на первом мы говорим о различии между семантикой и семиотикой, о природе предикации, то на втором мы отгадываемся от языка и рассматриваем проблему референции как онтологическую. Рикёр обращается к Фреге и Бенвенисту, указывая на общность и возможное дополнение теорий референции обоих авторов. Подходя к герменевтическому исследованию референции, мы обнаруживаем необходимость в постулировании особой сущности дискурса — а именно текста. Таким образом, мы переходим к анализу композиции с большим объемом, чем фраза. В связи с тематизацией производства дискурса Рикёр анализирует категории производства и труда, диспозиции и кодификации текста, стиль и индивидуальность, единичность. Рассматривая структуру произведения как его смысл, а мир произведения в качестве его денотата, герменевтика регулирует переход от структуры произведения к миру произведения. Интерпретировать произведение означает развернуть мир, к которому оно отсылает в силу своей композиции, своего жанра и своего стиля.

Ключевые слова: референция, денотат, семантика, герменевтика, поэтическая функция, метафора, эмотивная функция.

© Фёдор Станжевский

THE PREFACE TO THE TRANSLATION

P. RICŒUR. THE RULE OF METAPHOR. STUDY 7. METAPHOR AND REFERENCE

FEDOR STANZHEVSKIY

Assistant lecturer at the Department of Philosophy at St. Petersburg Technical University (Technological Institute), 198262 St. Petersburg, Russia.

E-mail: stanzh@mail.ru

The seventh study of the «Rule of Metaphor» deals with the problem of the reference of metaphoric statement. Poetic statements do not just constitute accentuating the message for its own sake. Far from being restricted to the emotive function, poetry also has a heuristic function which takes away the strong opposition between the internal and external, the subjective and objective. Metaphor re-describes reality and makes it possible to see it in a different way, «to see as...» Metaphor is based on the tension between two poles: «is» and «is not». Ricoeur considers the nature of our phenomenological experiencing of the world in the language. He shows how the meaning emerges directly from our existence. The relationship between meaning, language and reality is the field of work of metaphor, in which we originally find ourselves. In this study Ricoeur takes up the question of reference on two different levels: semantic and hermeneutical ones. While the first presupposes the difference of semantics and semiology, the nature of predication, the second lets us shift from language to ontology and regard the problem as an ontological one. Here Ricoeur addresses Frege's and Benveniste's theories of references, pointing the ideas they have in common. Approaching the hermeneutical research of reference, we face the necessity of postulating a special discursive entity, that is, the text. Concerning the discursive production Ricoeur analyzes such categories as production and labor, disposition and codification, style and individuality, singularity. By considering the structure of the piece of work as its meaning and the world of the work as its denotation, hermeneutics regulates the transition from the structure to the world. Interpretation means revealing world, which the given work addresses, based on its composition, style and genre.

Key words: reference, denotation, semantics, hermeneutics, poetic function, reality, metaphor, emotive function.

Седьмой очерк посвящен проблеме референции метафорического высказывания, то есть тому, что оно высказывает о мире. Вначале Рикёр рассматривает референцию в контексте понятия денотата у Фреге и Бенвениста. Основной постулат референции выражается словами Фреге: мы не удовлетворяемся смыслом, но предполагаем денотат. Это означает, что всякое высказывание по существу имеет референциальный характер. Однако постулат референции приобретает особую форму, когда речь идет о текстах, то есть о композициях, превышающих по объему отдельную фразу. В этом случае вопрос о том, что данное высказывание говорит о мире, относится уже не столько к семантике, сколько к герменевтике. Постулат референции сталкивается с особенными трудностями в случае литературных текстов, которые, на первый взгляд, вообще составляют исключение из правила референции.¹

Текст, взятый как произведение, то есть характеризующийся особой компоновкой, принадлежностью к отдельному жанру, обладающий конкретным стилем, требует переформулировать постулат референции. Если фраза обладает денотатом, то произведение раскрывает *мир произведения*, который и призвана интерпретировать

¹ На эту тему см. также: (Kittay, 1989).

герменевтика. Тогда можно переформулировать слова Фреге: мы не удовлетворяемся структурой произведения, но предполагаем мир произведения. Переход от структуры произведения к миру произведения осуществляется герменевтикой.

Однако в литературных произведениях отношение смысла к референции приостановлено. Так, Фреге считал, что литературное произведение не обладает денотатом. Рикёр, в свою очередь, стремится показать, что проблематику референции нельзя ограничить лишь научными высказываниями. Литературное произведение также обладает референцией. Однако оно раскрывает мир лишь тогда, когда приостановлена референция описательной формы дискурса. По мнению Рикёра, в литературном произведении дискурс развертывает свою денотацию в виде денотации второй степени, в силу приостановки денотации первой степени дискурса.

Характерное для литературного произведения отношение между приостановленной референцией и развернутой новой референцией в конденсированной форме можно обнаружить в метафоре. То, что было сказано в предыдущих очерках книги о смысле, относится и к референции. Смысл метафорического высказывания рождается на развалинах буквального смысла. Но и референция метафорического высказывания имеет место тогда, когда разрушена «буквальная» референция. Работа интерпретации различает буквальный и метафорический смысл, и параллельно в интерпретации высвобождается метафорическая денотация, денотация второй степени.

Это положение означает, что метафора не является всего лишь языковым украшением. Напротив, у метафоры есть притязания на истину. Здесь Рикёр расходится во мнении с Романом Якобсоном, для которого поэтическая функция есть акцентирование сообщения ради него самого. Вместе с тем именно у Якобсона Рикёр заимствует возможное решение проблемы референции литературного произведения.

Логический позитивизм утверждает, что всякий язык, не являющийся описательным, должен быть эмоциональным. Эмоциональное начало помещается внутри субъекта, и не имеет отношения к внешнему миру. Это представление находит отражение в высказывании литературоведов относительно того, что функция прозы денотативна, а функция поэзии коннотативна. Рикёр возражает: поэтическая грусть является модальностью осознания вещей, самобытной и особой манерой усмотрения мира. Отклоняясь от обиходного использования, язык приобретает способность обозначения, которая выходит за пределы строгой дуальности денотативного и коннотативного, когнитивного и эмоционального. Поэтическое настроение имеет эвристическую функцию, иную, чем репрезентация: по словам Рикёра, чувство онтологично иначе, чем отношение на расстоянии: благодаря чувству мы участвуем в вещи. Следовательно, оппозиция между внешним и внутренним неактуальна: чувство не является внешним, но не является оно и субъективным. «Поэтическое чувство раскрывает опыт реальности, где изобретение и открытие уже не противопоставлены друг другу, где созидание и обнаружение совпадают. Но что тогда означает реальность?» — задается вопросом Рикёр.²

² О соотношении метафоры и реальности см.: (Wheelwright, 1990).

Для Рикёра смысл метафорического высказывания порождается неудачей буквальной интерпретации высказывания. Действие сходства в метафорическом высказывании состоит в установлении близости между значениями, которые доселе были отдалены друг от друга. Но возможно, что за этой близостью по смыслу скрывается близость в самих вещах. Метафора — это способность видеть действительность в качестве чего-то нового, в новом аспекте. Это видение порождается сближением отдаленных смыслов, которое на первый взгляд кажется категориальной ошибкой, но именно эта категориальная ошибка расчищает путь новому видению. По мнению Р. Хоффмана, «...метафора исключительно практична. <...> Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» (Hoffman, 1985, 327).

Рикёр ставит себе задачу показать, каким образом в метафорическом дискурсе поэзии референционная способность сочетается с исчезновением обыденной референции, а действительность подлежит метафорическому переописанию. «Интуитивное чувство сходства играет огромную роль в практическом мышлении, определяющем поведение человека, и оно не может не отразиться в повседневной речи. В этом заключен неизбежный и неиссякаемый источник метафоры “в быту”» (Artunova, 1990, 8).

Метафора характеризуется напряжением между «есть» и «не есть». Чтобы понять метафору, нужно избежать двух крайностей: наивного следования метафоре, и, напротив, демифологизации метафоры с точки зрения фактов и инструментального использования ее в качестве модели.

Метафора удерживает напряжение между метафорической истиной и буквальной истиной: «Не существует другого способа воздать должное понятию метафорической истины, кроме как включить критическое острие “не есть” (буквально) в онтологический порыв “есть” (метафорически)». Метафора означает онтологическую реальность «быть как», причем сам глагол «быть» здесь характеризуется напряжением между «тем же» и «другим».

REFERENCES

- Artunova, N. D. (1990). *Metafora i diskurs* [Metaphor and Discourse]. In N. D. Artunova & M. A. Zhurinska (Eds.), *Teoria metafori* [Theory of metaphor] (5–32). Moscow: Progress. (in Russian).
- Hoffman, R. (1985). Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science. In W. Paprotté & R. Dirven (Eds.), *The ubiquity of metaphor*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Kittay, E. F. (1990). *Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure*. Oxford: Oxford University Press.
- Wheelwright, P. E. (1990). *Metafora i realnost'* [Metaphor and Reality]. In N. D. Artunova & M. A. Zhurinska (Eds.), *Teoria metafori* [Theory of metaphor] (82–109). Moscow: Progress. (in Russian).